

ПРОЕКТ ЕГОРА ДАНИЛОВА

Сны Семиградья

КНИГА ФАНФИКОВ

**Айгуль Клиновская
Антонина Селиванова
Кирилл Лаврентьев
Егор Данилов
Марина Вальд
Инна Фохт
Ольга Филимонова
Нина Лаврентьева
Егор Данилов
СНЫ Семиградья.
Книга фанфиков**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69303472

SelfPub; 2023

Аннотация

Межавторский сборник рассказов по циклу Егора Данилова «Семиградье». Таинственные, красочные, емкие, прочувствованные, фактурные и невероятно личные истории о мире Семи Башен. Иллюстрация создана с помощью нейросети Midjourney по подписке Standart.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
Айгуль Клиновская. Амоин	6
Антонина Селиванова. Демон, которого ты кормишь	15
Нина Лаврентьева. Дорога к возлюбленному	26
Ольга Филимонова. К Башне Факела	35
Инна Фохт. Тайна семи Башен	42
Кирилл Лаврентьев. Грехи молодости	54
Марина Вальд. Лети со мной, Мия!	62

**Марина Вальд, Инна Фохт,
Нина Лаврентьева, Ольга
Филимонова, Кирилл
Лаврентьев, Айгуль
Клиновская, Егор Данилов,
Антонина Селиванова
Сны Семиградья.
Книга фанфиков**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда авторский мир рвется наружу, его не остановить. Стираются границы между индивидуальным и общим, история разрастается и обретает новые подробности, становится живой и бурлящей, словно поток воды в горном русле. Обретает новые смыслы, образы, контексты.

Мог ли я представить, что конкурс фанфиков по моей

книге получит такой бурный отклик? Кажется, нет. За неделю талантливые авторы сложили семь прекрасных историй, очень разных, но очень объемных. Таинственных, красочных, емких. Прочувствованных, фактурных и невероятно личных. В каждой истории – авторский стиль и свой неповторимый подход. В каждой истории – талант и уникальная красота. Но все они о мире Семи Башен. Да-да, семь авторов написали о Семиградье. Очередное маленькое совпадение на пути моего романа «[Семена Перемен](#)» к читателю.

С легкой руки Алекс Джун, автора книги «Спи, Алиса», участвовавшей в судействе и выборе победителя конкурса фанфиков, сборник получил название «Сны Семиградья». В нем нет официальной истории мира. В нем сны о том, как оно могло бы быть. О том, чем стало бы Семиградье, пиши его кто-то другой. Но погружение в эти сны неизменно оставляет неповторимый привкус сказки, тайны и волшебства.

Искренне благодарю всех авторов за приложенные усилия. И жду читателей на страницах своего романа.

06.06.2023

Егор Данилов

Айгуль Клиновская. Амоин

– Растус, ну пожалуйста! – Луций топтался в дверях и даже умоляюще сложил руки. – Последний раз!

– Если будете проявлять настойчивость, мой юный господин, придется пожаловаться вашему отцу, – голос из глубины комнаты не пускал мальчика дальше порога.

Луций прикусил губу, пытаясь придумать, как упротить несговорчивого учителя.

– Я прочитаю пять страниц из учебника истории!

Из-за книжного шкафа сразу появилось лукавое лицо Растуса. Буйная кучерявая шевелюра колыхалась и пружинилась, будто жила собственной жизнью, иногда не поспевая за хозяином. Луций как-то подметил, что цветы в вазонах у стен дома трепещут на ветру точь-в-точь, как кудри Растуса. И когда учитель уж слишком донимал занятиями, Луций изливал возмущение преданному коту Клео, называя злодея исключительно Вазоном.

Сейчас поднятая бровь хозяина комнаты говорила о том, что предложение его заинтересовало.

– Это значит, что все картинки вы там уже изучили и теперь наконец намереваетесь перейти к буквам?

Луций смиренно вздохнул:

– Да.

Растус сделал приглашающий жест рукой:

– Проходите, маленький господин. Но учтите, что в следующий раз вместо пяти страниц будет уже десять.

Нескладный худощавый учитель как-то умудрялся двигаться проворно и не задевать многочисленные полки и шкафы с книгами, стол, заваленный бумагами, свитками, картами, пирамиду из сундуков, где самый маленький упирался в потолок. Когда он впервые появился в особняке префекта Кастора Пинария, отца Луция, у него не было с собой столько хлама. Растус расчистил завалы и извлек из-под них стул.

– Садитесь. И молчите. Вы же помните главное правило?

Луций кивнул. Он помнил, но тут же нарушил его вопросом:

– Каждый раз у вас все теснее и теснее. Зачем вы тащите со всей Патеры всякую рухлядь?

– Во-первых, – бровь снова подлетела вверх, на сей раз от недогадливости ученика, – это не рухлядь, а предметы для исследования. Во-вторых, я не только учитель, но и ученик.

Луций разинул рот.

– Как это? Чей?

– Жизни, маленький господин, жизни, – Растус снял с полки шкатулку, открыл и полюбовался содержимым. – Ну что, готовы к встрече?

Луций поерзал на неудобном стуле и снова кивнул. Плотнo сомкнутые губы означали, что тишины он точно не потревожит.

Учитель достал из шкатулки тростниковую сирингу и приложил к губам. Мелодия разлилась по комнате, огибая и шкафы, и полки, и нагромождение из сундуков, скользнула за ширму. Оттуда послышался едва различимый шелест расправляемых крыльев...

Сиринга продолжала призывный напев. Из-за ширмы, выступая на длинных ногах, показался аист с дивным огненным оперением. Он склонил набок крохотную голову, блеснул черными, словно ртутные капли, глазами. Растус взглянул на Луция. Тот уже дважды видел чудо-птицу, но все еще не мог скрыть восторг. Вот и сейчас смотрел не отрываясь и даже не моргал.

Аист расправил крылья и начал свой танец. Он кружился по комнате, щелкал клювом, изгибал шею в такт музыке. Когда звуки сиринги стали затихать, длинноногий плясун отступил обратно к ширме и на последнем аккорде скрылся за ней. В наступившей тишине раздался восхищенный выдох Луция. Оказывается, толком и не дышал, пока длилось представление!

– Это величайшее чудо, никогда не устану смотреть, – прошептал он, все еще боясь спугнуть чарующее видение.

Растус спрятал сирингу в шкатулку.

– Вам пора, юный господин. Учебник истории ждет.

Луций лишь сильнее вжался в стул.

– Расскажите, как его зовут, откуда он у вас. И тогда я точно уйду и не приду еще очень-очень долго.

– Хорошо, – неожиданно согласился Растус. – Я и сам не прочь вспомнить эту удивительную историю.

Он заозирался вокруг, примериваясь, куда бы присесть, махнул рукой и опустился на пол.

– Однажды я бродил по Патере в поиске интересных вещей и наткнулся на одного кайанца. Бедолага еле держался на ногах от голода, но все же вызвался мне помочь доставить сюда свитки. Я его накормил, подыскал справную одежду вместо его ветхих обносков, позволил согреться у очага и воспрянуть духом. Перед уходом он сказал: «Я беден, мне нечем тебя отблагодарить, но я могу подарить тебе Амоина». Вытащил из-за пазухи красный мел и нарисовал на стене аиста.

– Значит, его зовут Амоин, – с придыханием повторил Луций, счастливый от того, что ему приоткрыли завесу тайны.

– Да, – кивнул Растус. – Кайанец добавил, что птица умеет оживать и танцевать под звуки сиринги. Но при одном условии.

– Соблюдать тишину?

– Это я придумал специально для вас, маленький господин, потому что порой вы слишком многословны.

Луций развел руками – что есть, то есть, этого он отрицать не мог.

– Условие в том, что наслаждаться танцем аиста нельзя одному, только в компании с добрыми друзьями. Ведь Амоин – это чудо, а чудом не может владеть кто-то один, его надо

делить с другими.

– А кем был тот кайанец? Какой-то маг? Куда он делся? – следующие вопросы посыпались, как горошины из стручка.

Из сада слышались возгласы. Луций тотчас же подскочил, глаза его округлились.

– Должно быть, отец разыскивает меня! – ахнул он и опрометью бросился наружу.

– Не забудьте про пять страниц! – крикнул вслед Растус, но мальчишка успел раствориться меж цветущих кустов камелии.

Учитель усмехнулся, подошел к ширме и отодвинул ее. На стене застыл нарисованный мелом красный аист в ожидании мига, когда снова запоет сладкозвучная сиринга.

Луций сдержал обещание. На следующий день в начале Второго Оборота он ждал Растуса в учебном зале, чтобы пересказать ему выученные страницы. Время шло, но учитель не появлялся. Это было странно – никогда прежде Растус не опаздывал.

– Это говорит о том, что и на Башне может вырасти мох, – назидательно сказал Луций коту, намекая, что и учитель рано или поздно может проспять занятие. Клео облизнулся, ему не было дела до знаний, ему миску похлебки подавай.

Луций подождал еще немного, подхватил кота и направился будить учителя.

– Растус!

Комната отозвалась лишь шуршанием заплутавшей ночной бабочки. Луций шагнул за порог и обследовал пространство. Заглянул даже под стол – вдруг учителя так сморили старые манускрипты, что он сполз на пол да там и уснул? Наконец мальчик решился заглянуть туда, куда тянуло с первых секунд. За ширму, скрывающую Амоина.

Аист все так же алел на стене. Луций преодолел робость и спросил:

– Ты не знаешь, где Растус?

Картинка не ожила, для этого требовалась сиринга. Луций глянул на Клео, который безучастно висел на его руках.

– Ты же мне друг? Значит, вдвоем мы можем посмотреть танец Амоина.

Клео мяукнул, что прозвучало как одобрение идеи. Усадив кота на книжную полку, Луций достал из шкатулки сирингу. Когда-то он делал трубочки из тростника и сносно извлекал из них мелодию, значит, и сейчас справится. Прикладывая флейту к губам, он думал только о том, как бы не оплошать с музыкой, потому не заметил, как Клео спрыгнул с полки и юркнул за дверь.

Луций ликовал. Получилось! Сиринга откликнулась на его старания. В подтверждение этому из-за ширмы возник Амоин и начал танцевать. Вид у него был понурый, движения замедленные, будто аист захворал. Алое оперение меркло с каждым новым па. Посреди танца он замер и посмотрел на Луция. Тот опустил сирингу и спросил:

– Тебе не нравится, как я играю? Я всего лишь хотел показать тебя своему другу Клео.

Аист запрокинул голову и затрещал клювом, как будто рассмеялся. Луций оглянулся на полку – та была пуста. Сиринга выпала из рук.

– Луций... – на пороге стоял учитель. Судя по тяжелым связкам книг, он совершил очередную вылазку за раритетами и просто не рассчитал время возвращения. – Что здесь произошло?

Амоин пробрался к двери, коснулся Растуса на прощание красным крылом и прямо с порога взмыл в небо.

– Я не хотел... – захлюпал носом Луций. – Нас было двое, но Клео сбежал.

Тюки с книгами нашли временный приют в углу. Растус подошел к виновнику переполоха, поднял с пола сирингу и смахнул с нее рукавом пыль.

– Не печальтесь, мой юный господин. Амоин ведь не просто танцующая птица. Амоин – учитель для нас, как и все живое на этой земле.

– Он не успел меня ничему научить, – размазывая ладонью слезы, всхлипывал Луций.

– Как же не успел? Он научил вас, что нельзя нарушать чужие границы, пусть даже речь идет о пороге учительской комнаты. Нельзя без разрешения брать чужое. Нельзя обманывать и прикрываться другом, чтобы исполнить свои желания. Вы же сами хотели еще раз посмотреть на Амоина? И

Клео тут совсем ни при чем.

Он усадил Луция на стул и подал стакан воды. Отхлебнув разок, мальчик застыл, глядя в одну точку. Растус умолк, позволяя ему накрепко усвоить важные уроки. Наконец Луций допил воду и слез со стула. Казалось, он даже чуточку повзрослел, только покрасневшим носом шмыгал все еще по-детски.

– Простите. Из-за моей глупости Амоин теперь сгинет где-то, и никто больше не увидит чуда.

– Вот и еще один урок. Вы научились признавать ошибки, чтобы впредь их не повторять. Ведь так?

Луций кивнул. Он почти успокоился, но все-таки горевал, что теперь никогда и никому не покажет аист свой чудесный танец.

– Не грустите, маленький господин, Амоин не исчезнет без следа. Теперь он сам выберет себе пристанище. И однажды мы еще услышим о дивной птице, которая вдруг появилась на одной из городских стен.

Рассказывая все это, Растус рылся в ящиках письменного стола. Поиск увенчался успехом, он выудил оттуда тряпичный сверток, развернул и показал кусочек красного мела.

– Тот кайанец оставил мне его. На всякий случай. Видимо, он наступил. Мы можем нарисовать кого угодно.

Луций замер. Только что мир вокруг мерцал черно-белым из-за его вздорной выходки, и вдруг крохотный кусочек мела снова вернул все краски.

В приоткрытую дверь из сада шмыгнул Клео. Не подозревая о случившейся катастрофе, он сел и принялся умываться. Это говорило о том, что какая-то зазевавшаяся мышь стала его обедом. Луций поднял взгляд на учителя.

– Кот. Мы нарисуем красного кота.

– Отличный выбор, – Растус засучил рукава. – Еще вам не помешает пара уроков игры на сиринге. Однажды, мой маленький господин, рядом с вами появится тот, чья дружба пройдет много-много испытаний. И вы обязательно разделите с ним это чудо.

Антонина Селиванова.

Демон, которого ты кормишь

– Дэмин!

Камень врезался в бамбуковые ставни и скатился по скошенной крыше. Чиновник пробудился от чуткого сна и испуганно уставился на закрытое окно.

– Дэмин!

Снова прошептал голос. Очередной камень налетел на преграду и шлепнулся на землю. Дэмин тяжело вздохнул. Идти не хотелось. Может, не ответить? Притвориться, что не услышал? Хотя вряд ли поможет: Юншен всегда был упрямым. И зачем только все ему рассказал?

– Дэмин, ну же! Надо готовиться к ритуалу! – раздалось уже громче.

Камень звонко стукнулся о деревянную перекладину. Дэмин подскочил и бросился к ставням, приоткрыл трясущимися от страха руками.

– Ты что творишь, Юншен! – нервно зашептал другу. – Если отец проснется, ни тебе, ни мне несдобровать.

Тот лишь пожал плечами. В свете принесенного им фонаря было видно, как подкидывал оставшиеся камни. Дэмин судорожно сглотнул и скрылся в комнате. Что ритуала не

миновать, понял, едва рассказал Юншену о спящем в теле сестры демоне и увидел непоколебимую уверенность в глазах парня. Но, если честно, до последнего надеялся этого избежать. Грузный, трусливый экзорцист, которому недостает силы и практичный, решительный крестьянин без образования. Смогут ли они освободить Сяомин от злобного гуя?

– Когда я вырасту и женюсь на Сяомин, мы тоже уедем из Вангдэжакуна! – заявил Юншен, выслушав рассказ Дэмина о жизни и учебе в столице. – Лончан меня, конечно, не прельщает, но ведь в мире немало других городов. Я слышал от торговцев и циркачей, приезжающих на ярмарки в нашу деревню.

Дэмин скосил на него глаза: несмотря на большую разницу в возрасте, с Юншеном интереснее разговаривать, чем с ровесниками.

– К тому времени я закончу учебу, наберусь опыта, стану сильным экзорцистом и смогу вам помочь, – беззаботно протянул Дэмин, развалившись на берегу реки и опустив ноги в прохладную воду. Блаженно прикрыл глаза.

– О чем ты? – удивился Юншен.

Дэмин вздрогнул: понял, что сболтнул лишнего. Об одержимости сестры знали только двое – он и отец. И последний строго наказал не говорить никому. Даже Сяомин не

знала о спящем внутри нее демоне.

Дэмин собрал все необходимое для ритуала изгнания, вылез из окна и спустился по пышному дереву. Запнулся о корни, чуть не упал, но Юншен ухватил за плечи.

– Все хорошо, – подбодрил он. – Пойдем.

Старое кладбище встретило тишиной. Темнота ночи разгонялась лишь дрожащим огнем фонаря в руке Юншена. Покосившиеся, покрытые мхом надгробия с подозрением раскачивали тени в неярком свете: здесь уже давно не хоронили, и живые не приходили даже днем. Взмахнула крыльями птица, и Дэмин замер, испуганно озираясь. Не справится. Сильным так и не стал. По окончании учебы ему присвоили лишь седьмой ранг. Лучше бы выучился на врача.

– Здесь, – решил Юншен, останавливаясь среди могил.

Чиновник огляделся. Пожал плечами: пусть будет здесь. Взял сухую ветку и старательно вывел на земле шиганьдан для защитного барьера. Если что-то пойдет не так, это поможет сдержать разозленного гуя. Должно помочь. Поверх нарисованного круга Юншен разложил циновку для Сяомин. Его губы беззвучно шевелились: ритуал предстояло проводить Дэмину, но на всякий случай друг выучил необходимое

заклинание.

– Дальше я сам. Пора вести сестру, – прошептал Дэмин. Юншен кивнул и скрылся в темноте.

Остаться одному не хотелось, но у каждого своя роль. Дэмин соскрёб с ближайшего надгробия мох, из заплечного мешка достал ткань и нитки, сглотнув, начал скручивать куклу. Перевязь за перевязью. Тщательно. Чернилами нарисовал глаза и улыбку. Нельзя уничтожить демона насовсем, можно лишь перенести.

– Готово?

Юншен появился так неожиданно, что Дэмин едва не вскрикнул. Парень уложил Сяомин на циновку. На груди сестры красовалась сделанная Дэмином сонная печать, которая не даст ей проснуться.

– Да. Только возьми, – чиновник протянул Юншену обереги, которые смастерил накануне для подстраховки. – Обязательно закрепи на одежде. Надеюсь, поможет в случае... неудачи.

Последнее слово произнес шепотом и достал из мешка нефритовые бусы, вещь, принадлежащую одержимой. Закрепил украшение на кукле – только так можно обмануть гуя – и принялся читать заклинание. Голос дрожал, слова неоперенными птенцами срывались с губ и разбивались. Как всегда, им недоставало мощи.

– Н-не могу, – запинаясь, произнес чиновник. – Н-не вых-

ходит.

– Давай я, – Юншен забрал куклу и бусы. Сел на колени, закрыл глаза и начал заново.

Дэмин отошел подальше, спрятался между надгробий. Колени дрожали, ладони вспотели, сердце бешено колотилось. Ему осталось лишь наблюдать. Опять оказался бесполезным.

Голос Юншена тек уверенно, дышал мощью. И гуй откликнулся. Пространство заволокло тусклым красным светом. Сяомин медленно приняла вертикальное положение и оторвалась от земли, словно подвесили. Черные волосы взвились змеями. Демон парил у края круга, в пределах иероглифов-шиганьдан. Не переступал. Сердце Дэмина радостно забилося: неужели сработало?

Юншен запнулся и начал сначала. Плечи Сяомин затряслись, словно гуй в ее теле беззвучно смеялся. Это неправильно. Что-то шло не так. Демон не боялся.

– Я все знаю.

Дэмин подавился лепешкой от неожиданности. Откашлявшись, схватил Юншена за руку, оттащил в переулок между домами.

– О чем это ты?

– Я знаю истинную причину, по которой отец не отпускает Сяомин из деревни.

Чиновник побледнел. С разговора у реки прошло почти семь лет. Тогда он солгал, что дело в гуге с кладбища, который нападает на путников. Если Юншен и не поверил, то промолчал. А потом Дэмин покинул Вангджасун. Окончил учебу, получил бесполезный седьмой ранг и отправился на службу в Янгчанси. В родную деревню заезжал редко и с другим разговоров о демоне больше не заводил. Надеялся, что забудет. Так почему он заговорил об этом? Неужели гуй завладел телом сестры при Юншене? Но что его спровоцировало? Обычно не показывался.

– Видел, да? – уточнил чиновник на всякий случай. Юншен хмуро кивнул. – Не говорил Сяомин?

– Нет.

– Хорошо. Она не знает, что одержима.

– Одержима? – воскликнул Юншен. – Что значит одержима?

Дэмин моргнул:

– Ты же сказал, что знаешь!

– Наврал, – признался друг. – Понял, что только так все расскажешь. Но что же делать?

– Не знаю. Ничего не могу. Слишком слабый.

– Я помогу.

– Юн... – голос не слушался.

Страх комом встал в горле, мешая говорить. Стоило предупредить, но смелости не хватало. Юншен продолжал читать, сосредоточенно, крепко зажмурившись. Сяомин поплыла к нему. Иероглифы шигандан вспыхнули искрами и погасли, не навредив. Оказавшись за пределами барьера, девушка рванула вперед.

– Юншен! – голос Дэмина сорвался на писк.

Парень открыл глаза, а в следующий миг когтистые пальцы обхватили шею. Юншен успел лишь вскрикнуть, и демон с хрустом повалил его на землю. Какое-то время гуй продолжал сжимать руки на горле парня, затем вновь поднялся в воздух. Развернулся. Дэмин затаил дыхание в ожидании смерти: наверняка станет следующей жертвой. Но гуй лишь проскользил к циновке, остановился у барьера и опустил тело Сяомин на землю. Красный свет погас. Лицо сестры вновь приняло выражение сонной безмятежности.

Дэмин досчитал до десяти, успокаивая выпрыгивающее сердце. Выскочил из укрытия, схватил на руки спящую Сяомин – печать все еще действовала – и бросился бежать. Так быстро, насколько позволяло слабое тело и упитанный жи-

вот. Назад в деревню.

Он то и дело оступался, спотыкался – от ужаса, темноты и осознания того, что натворил, – но продолжал нестись. Слезы неудержимым потоком хлынули из глаз. Юншен мертв. А он даже не проверил, нельзя ли что-то сделать, спасти. Рваное дыхание смешалось со всхлипами.

Уложив Сяомин в постель, пошел к отцу и, едва тот открыл дверь, рассказал о случившемся.

– Отведи меня, – скомандовал отец, на ходу набрасывая ханьфу.

Возвращаться не хотелось, но послушаться не хватило мужества.

Догорающая лампа освещала место преступления: барьерный круг, циновка, мешок с чернильницей и нитками. Юншен, кукла, бусы.

– Кто знает об этом? – отец обвел рукой пространство.

– Никто. Я не говорил, – прошептал Дэмин. – Юншен тоже. У него нет близких, только брат, Сяомин и я.

– Хорошо, – хмуро кивнул отец. – Надо избавиться от улики. Спрятать тело. Знаю подходящее место. Бери за ноги, а я – за руки.

– Но...

– Не перечь. Сейчас главное – защитить Сяомин.

Тело спрятали в дупло дерева, под которым восемнадцать лет назад отец с матерью принесли в жертву петуха, молясь о рождении Сяомин. Юншен смотрел с осуждением.

«У меня был один друг, у Юншена – ни одного, – думал Дэмин, закрывая погибшему веки. – Я предатель...»

Куклу и бусы отец бросил туда же, в дупло. А после они вернулись к месту проведения ритуала: стерли барьер, забрали циновку и мешок, веткой кустарника замели следы. Даже если кто зайдет сюда – ничего не обнаружит.

Дэмина трясло. Забираясь в постель после длинной ночи, он подумал: «Хуже быть не может». Но на следующее утро понял, что ошибся.

Как часто бывает в небольших деревнях, новость об исчезновении Юншена быстро облетела Вангджакун. Отец, как деревенский староста, поднял на поиски добровольцев. Откликнулись почти все жители, и лишь одному человеку запретили участвовать.

Юйлун. Брат-близнец Юншена, тихий, кроткий, добрый, с ужасом глядел на старосту, когда тот обвинял его в исчезновении брата.

– Ты последним видел его, – заседал отец Дэмина. – Вы жили обособленно. Может, ты считал, что его никто не хва-

тится? Но на твою беду, Сяомин полюбила его, и я сделаю все ради любимой дочери. Юншен не бросил бы ее. Значит, попал в беду. Если он еще жив, лучше признайся сразу и дай нам помочь ему.

Отец говорил долго. К изумлению Дэмина, жители деревни поверили и подчинились приказу заключить Юйлуна под стражу.

Дэмин с отцом, конечно же, присоединились к поискам. С другими мужчинами оглядели каждый овраг, куст. Дэмин заглянул в дупло того самого дерева, но под строгим взглядом отца сказал, что там пусто.

Юйлуна обвинили в убийстве. Парень поднял мертвый взгляд, такой же, как у погибшего близнеца. Равнодушно выслушал приговор к работам на рудниках.

Небесные Братья завершали Третий Оборот. Сяо осторожно приближался к Гао, желая спрятаться за его спину до наступления темноты. Равномерно цокали копыта, скрипели деревянные колеса. Синие и желтые лучи разрывали завесу на пестрые лоскуты, напоминая Дэмину о предательстве. Говорят, близнецы чувствуют боль друг друга. Догадывался ли Юйлун, что на самом деле произошло с Юншеном?

Дэмин долго глядел вслед удаляющейся тюремной повоз-

के.

Нина Лаврентьева.

Дорога к возлюбленному

Лапы разрывают прелую листву, топчутся по трухлявому валежнику. Мышиный дух везде, но такой размытый, нечеткий. Неужели филин уже разогнал всех? Так рано! Но в лесу еще не стемнело, только пошел Третий Оборот. Листва пропускает, словно решето, голубые и желтые лучи небесных Светил. Но, может, уже поздно? Порой так увлекаешься охотой, что забываешь о времени. В нетерпении шуршит хвостом по земле. От предвкушения легкой добычи в пасти собирается слюна. Но норки пусты. Поднимает черный нос, принюхивается. Недалеко убежали. Еще успеет поймать зазевавшегося глупыша. Сегодня она охотник. Двигается бесшумно – ни хруста ветки, ни глупого тьяканья. Никто не должен заметить ее присутствия. Побеждает самый хитрый и быстрый.

Вдруг замирает. Прислушивается. Размерную жизнь вечернего леса нарушают странные звуки. Может, кажется? Нет, уши никогда не подводили. Надо проверить. Кто, кроме нее?

Бежит. Мимо зарослей бамбука, вдоль пышноколых ив у ручья. Останавливается на обочине имперского тракта. Нетерпеливо переступает лапами. Звериная осторожность не позволяет сразу броситься к телу, распластанному на дороге.

Судя по вышивке на синфу, богатый кайанец. Обходит вокруг, всматривается в лицо. Молодой. Смуглая кожа, гладкие волосы собраны в хвост. До чего хорош! А вдруг это Возлюбленный, которого она ищет? Глаза закрыты, но ресницы дрожат. Жив. Надо бы оттащить с дороги, пока не пронесся конный отряд. Растопчут. Но в лисьем обличье не справиться, нужны руки. Лынет к бесчувственному телу, пытается нащупать жизненную энергию. Еле бьется слабый огонек в груди, но и его хватает для обращения. Их бедра соприкасаются: холщовые дорожные штаны и обнаженная белая кожа. Встает, прикрывая наготу плащом черных волос. Тянет юношу под сень деревьев на мягкую траву. Отрывает подол сорочки и спешит к ручью. Умоет и накапает в рот воды. Может, очнется.

Склоняется к журчащему потоку. В отражении – добрые с хитринкой глаза. Давно не видела себя в этом обличье. Но для людей ночной лес опасен, не только она вышла сегодня на охоту. Надо подготовиться. Шепчет водяному гую: «Придешь на помощь, когда я позову?» – «Приду, маленькая ху-

ли-цзин».

Кивает довольная, возвращается. Духи воды всегда слушались ее. Помогут и теперь.

Просыпается внезапно. Ощущение, будто не спала вовсе. Только смежила веки от усталости, и вдруг наступило утро. Завеса на небе делает утренние часы чересчур сумеречными, а тут ещё и туман. Темно и зябко. Фыркает. Хорошо хоть во сне снова обернулась лисой. Иначе бы околела без меха.

Поворачивается к молодому мужчине. Тот мотает головой, веки дрожат. Тихий стон. Открывает глаза. Смотрит на нее в испуге, пытаясь сплести пальцы в охранном жесте. Приподнимается на локте.

Она делает шаг вперед, тыкается носом в руку, показывая мирные намерения. Садится на задние лапы, твякает.

– Похоже, я здорово ударился головой. Даже лисы дрессированные мерещатся.

Снова подает голос. Берет в зубы край синфу и тянет к ручью. Пусть напьется. Он умывается с ожесточением. Смотрит уже веселее.

– Похоже, мне стоит благодарить тебя, что стерела всю ночь от лесных хищников? Видимо, я потерял сознание, упав с лошади. Ох и своенравный оказался скакун!

Лает.

– Правда, снилась мне почему-то прекрасная незнакомка. Моя голова лежала у нее на коленях и...

Нетерпеливо перебирает лапами. Надо отвлечь от воспоминаний, иначе заподозрит, что это был вовсе не сон. Пока открываться рано. Крутится, пытаясь укунить себя за хвост. Мужчина смеется.

– Забавная ты. Знаешь, возьму-ка я тебя с собой. Вот обрадуется моя госпожа.

Не возражает. Двигается рядом. Если это Возлюбленный, то связь будет расти с каждым днем, и однажды он увидит ее вновь в человеческом облике.

Идут целый день. Пыль забивает нос. Хочется чихать. Останавливаются в какой-то деревне на обед. Мужчина делится курицей, правда, варёной. Фу! Ест ради приветливой улыбки и ласковых рук. К концу Третьего Оборота светила опускаются совсем низко, и Завеса переливается от ярко-си-

него к кроваво-красному. Красиво и зловеще одновременно. Словно предупреждение. В груди уже давно растет неясное беспокойство. Пахнет людьми, дымом и лошадиным потом. За поворотом дороги открывается вид на город. В центре возвышается многоскатная крыша.

– Почти пришли. Город Дракона. Императорский дворец совсем близко. Пожалуй, я одену на тебя поводок, чтоб не потерять в толпе.

Покорно дает повязать на себя веревку. Наслаждается, когда крепкие руки касаются меха. Руки Возлюбленного. Сердце бьется чаще. Тук-тук.

Когда захлопывается железная решетка императорского зверинца и со щелчком поворачивается ключ, лиса яростно воеет и бросается на прутья. Еще раз. И еще! Больно, бесполезно, но жалости к себе нет. Потеряла бдительность. Растаяла от обманчивой ласки. Глупышка. Из охотницы превратилась в добычу.

Ночь черна. Ниточка между сердцами оборвана. Обращение невозможно. И нет рядом даже самого захудалого ручейка, чтобы позвать на помощь доброго духа. Остается лишь тихонько скулить.

Ей снится сон. Пыльная дорога. Впереди огромная черная Башня. Рядом – Возлюбленный. Пытается прижаться к нему, заглянуть в глаза. Но он смотрит в другую сторону, лица не видно. Голову закрывает бамбуковая шляпа-доули. Девушка тянет Возлюбленного за плечо, но он неумолим. В какой-то момент ускоряет шаг, и она начинает отставать. Страх скользкими щупальцами пробирается внутрь. Руки расцепляются и хватают пустоту. Зовет, но вместо крика вырываются хрипы.

Просыпается. Задирает морду, скулит. Как же найти тебя, Возлюбленный, если ты все время убегаешь? Если даже не знаю, как выглядишь?

– Что же ты хотел показать мне, Сяолун?

– Презабавное существо, госпожа моя. Дрессированную лису. Наверное, сбежала от циркачей.

– Лису? Это уже интересно.

Смотрит, как к клетке приближаются двое: вчерашний предатель и какая-то женщина. На шелковом халате вышиты золотые нарциссы. Изящные туфельки замирают в шаге от решетки.

– Что же ты не выпустишь, если она ручная?

– Ручной была в лесу. Но когда посадили в клетку, то слов-

но взбесилась. Бросается, тьякает, скалит клыки. Боюсь, укусит вас, госпожа.

С белоснежного круглого лица смотрят лукавые глаза. Наклоняет головку и обмахивается веером.

– Что-то дышать трудно, Сяолун, сбегай за водой.

Остаются вдвоем: рыжая лиса, безучастно лежащая на земле, и черноволосая красавица.

– Ну, маленькая сестрица, как же тебя угораздило так глупо попасться?

Вскакивает, недоверчиво смотрит сквозь прутья. Лапы нервно переступают по земле. С той стороны – звонкий смех и взмах веера.

– Не ожидала, что среди наложниц императора можно встретить говорящую с духами? Слава обо мне идет дурная, с соперницами на расправу коротка. Но хули-цзин помогу. Тебе здесь не место. Выпустить?

Метет нетерпеливо хвостом по земле. Тьякает. Тонкие пальцы женщины обхватывают замок и прикрепляют бумагу с иероглифом.

– Взрывная печать. Как только мы уйдем, сработает. Не подпали шерстку, глупышка.

Возвращается Сяолун с кувшином.

– Госпожа.

– Скучная твоя лиса, надоела. Да и жарко. Пойдем обратно.

Когда затихают шаги и голоса, раздается хлопок и сыпятся искры. Лиса толкает дверь и выскакивает из клетки. Теперь остается незаметно прокрасться к лесу, и там – свобода. Там из добычи снова станет охотником.

Бежать прочь, прочь из Кайанской империи. Надо вернуться обратно в Семиградье, в Кадуций. Она видела сон. Видела Башню. Теперь знает, где искать Возлюбленного.

Лапы разрывают прелую листву, топчутся по трухлявому валежнику. Поднимает черный нос, принюхивается. Недавно пробежал заяц. За ним. Сегодня она охотник. Двигается бесшумно – ни хруста ветки, ни глупого тьяканья. Никто не должен заметить ее присутствия. Побеждает самый хитрый и быстрый.

Вдруг замирает. Прислушивается. Размерную жизнь вечернего леса нарушают шаги. Кто-то шумно продирается

сквозь частую поросль. Прятаться или нападать? Так шуметь в лесу может только беспечный человек, у которого нет за пазухой камня. Стоит в нерешительности. Нетерпеливо переступает лапами.

Раздвигая ветви жасмина, на поляну выходит путник в бамбуковой шляпе. Удивленно смотрит на лису, которая и не думает прятаться. Красив. До чего красив! Черные глаза, смуглая кожа, широкие скулы. Звериная осторожность не позволяет сразу броситься навстречу. Ждет, когда сам подойдет и назовет ее по имени.

Это он. Возлюбленный. Она чувствует. В этот раз ошибки быть не может.

Ольга Филимонова.

К Башне Факела

Забир сжимал ладонь мальчика. Азим тяжело дышал. Они шли несколько декад через знойную Пустыню и шумные города, чтобы подойти к Башне.

Крепкий, широкоплечий мужчина, укутанный потрепанной в пути материей, старался не показывать страха. Забир хорошо помнил тот день, когда вместе с боевым товарищем впервые пришел к Башне и как потом с позором сбежал.

Площадка у Башни Факела, главной святыни жителей Факса, мало изменилась за тридцать лет. Большую ее часть занимали причудливые деревья со стволами, облепленными до середины землей. Сотни, а может, тысячи таких деревьев. Они сплошь загораживали весь периметр площадки. Подойти к Башне можно лишь с одной стороны. Все, как в тот страшный день. Забир погрузился в воспоминания.

На дорожке, ведущей к священной громадине, стояли три старца. Хранители. Они встречали посетителей, намеревающихся подойти к Башне. Кто-то просил у нее совета, кто-то исцеления. У каждого был свой запрос. Каждый, кто притрагивался к стене-основанию, получал то, за чем сюда пришел.

Но далеко не все могли приблизиться к ней.

Старцы вручали всем путникам небольшой поднос, на котором лежала маленькая фасолина. Человеку предстояло ее проглотить. Так духи земли, которых в семье Забира называли джиннами, проверяли чистоту намерений пришедшего. Коснуться Башни могли лишь те, кто действительно нуждался в помощи и не имел злого умысла по отношению к святыне и ее почитателям.

Товарищ Забира, Малик, подошел к старцам первый. Ему указали место, куда следовало встать, и протянули поднос. Забир отчетливо видел друга. Как только фасолина попала Малику в рот, он схватился за горло. Все тело трясло. Затем изо рта показалось что-то зеленое. Побегите! Из ушей и ноздрей также поползли листья. Малик был жив. Его руки шевелились. Забир хотел ринуться на помощь товарищу, но необъяснимая сила не позволяла сделать шаг в сторону Башни.

Малик продолжал трястись. За побегами показались ветки с шипами. Они пронзали тело товарища изнутри, разрывая плоть и устремляясь вверх. Сквозь листву, которая вмиг покрывала ветки, Забир видел окровавленную фигуру Малика. Дерево продолжало расти. Малик не прошел проверку духов.

Забир попятился. Обрадовался, что может двигаться назад. Бросив последний взгляд на содрогающееся дерево, по-

бежал прочь.

И вот Забир снова здесь. Держит за руку сына своего бывшего господина, которому обещал, что ни один волос не упадет с головы Азима. Забир провел восьмилетнего мальчика через Пустыню, уберег от пыльных бурь, разбойников, хищных зверей и злых ифритов.

Теперь он бессилен. К башне Азиму аз Фареху предстояло идти одному. Старцы уже встречали мальчика с подносом, на котором лежало то, чего так боялся Забир.

***

Азим в напряжении ждал. Когда его телохранитель Забир подошел к Дому Семьи, мальчик затаился за глиняной стеной и прислушался.

– Наши средства не работают, – прошипела Забиру целительница-хаким. – Чужестранку нужно лечить иначе. Только Башня Факела может ей помочь.

– Она не доберется до Башни в таком состоянии. Альмаутская Пустыня ее убьет! – сокрушенно возразил Забир.

– Пути ей не перенести, это верно. Но вместо нее может пойти кровный родственник.

– Ты знаешь, что в аль-Харифе у Джанан остался только сын!

– Башне все равно, кто придет просить об исцелении.

– Но он еще ребенок! Как Азим преодолет Пустыню? Как

пойдет испытание джиннов, чтобы попасть к Башне?

– Только Башня может ей помочь. Джанан слабеет с каждымоборотом!

Старуха развернулась и скрылась за дверью. Азим больше не мог стоять на месте. Бросился к телохранителю.

– Сопроводи, сопроводи меня к Башне! Я должен спасти маму!

Мальчик старался говорить уверенно, даже требовательно, но голос дрожал, а глаза подернулись влагой. Помня об обещании Мушаррафу аз Фареху, Забир похлопал мальчика по плечу и произнес:

– Я обращаюсь к Совету.

Совет не смог отказать. Не то чтобы старейшины дорожили Джанан, сраженной неизвестным смертельным недугом. Они отозвались на просьбу Забира из-за уважаемого всеми ученого Мушаррафа, который регулярно ходил в экспедиции, выполняя разные поручения Совета во благо аль-Харифа. Из одного путешествия Мушарраф вернулся с Джанан. Вопреки всем запретам вручил чужестранке махр, став ее раджулом, и вскоре у пары родился сын. Мушарраф продолжал странствовать, и из очередной экспедиции так и не возвратился.

У Джанан остался только Азим, и он был готов на все ради матери.

Совет выделил четырех хайманов и шестерых воинов, чтобы Забир с Азимом смогли добраться до Башни. Путь оказался непростым. На территорию за главные ворота Факса, где ждала Башня Факела, ступили только четыре ноги. Альмаутская Пустыня отпустила лишь двоих.

Мальчик знал – перед тем, как подойти к Башне, придется съесть фасолину. Знакома ему была и страшная сказка о том, что людей, чьи намерения не понравятся джиннам, убьет дерево Айхтидаруд. Но это лишь сказка. Азим всеми силами старался верить в это. Рука телохранителя подбадривающе сжимала его влажную ладонь.

«Как мы вернемся домой, даже если получим от Башни исцеление для мамы?» – подумал мальчик. По телу пробежал холодок, но тут же вспомнились слова целительницы-хаким: «Только Башня может ей помочь».

Азим уверенно шагнул в сторону старца, дрожащей рукой взял фасолину и положил ее в рот. Зажмурился, делая глотательные движения. Ему стало тяжело дышать. Азим поперхнулся и закашлялся, прикрывая рот рукой. За спиной он услышал отчаянный крик телохранителя.

Мама всегда говорила Азиму, что неприлично громко кашлять в присутствии взрослых, но сейчас он понял, что необходимо сопротивляться попавшему в дыхательное горло. Мальчик открыл глаза и кашлянул изо всех сил. Что-то

выпало в прикрывающую рот ладонь. Фасолина? Азим медленно отодвинул руку и разжал пальцы. Это был зеленый шарик. Раза в два больше бурой фасолины, которую он только что проглотил.

Азим покосился на старцев, те внимательно следили за ним. Вновь посмотрев на шарик, мальчик заметил, что тот увеличился. Зелень росла, щекоча ладонь.

От страха и неожиданности Азим отдернул руку, и шарик завис в воздухе. Он продолжал расти, постепенно расплющиваясь и превращаясь в парящий диск. Его оплетали ветви растения, покрытые острыми шипами и зелеными листьями.

Полностью загородив Азима от старцев, диск замер, перестал расти. От одного края к другому протянулась ветка, лишенная шипов и листьев. Мальчик подумал, что представшее перед взором напоминает огромный щит. Рука машинально потянулась к ветке-рукоятке. Взявшись за нее, Азим почувствовал, что не в состоянии разжать пальцы. Они словно приклеились.

Диск зашевелился, вновь начал расти. Его края согнулись, закругляясь и устремляя новые ветви друг к другу. Сомкнулись позади мальчика. Азим не успел опомниться, как оказался внутри большого зеленого шара.

На стене с внутренней стороны шипы отсутствовали. Только мягкие листья. Сквозь небольшой просвет, прямо напротив лица, мальчик видел, с каким удивлением за проис-

ходящим наблюдали старцы. Он повернулся и разглядел позади Забира. Тот замер на краю площадки перед Башней. Будто окаменел.

Азим взялся за ветку-рукоятку второй рукой. Как только пальцы коснулись гладкой поверхности, шар зашевелился и стал уменьшаться. Стены вмиг исчезли. Перед Азимом вновь парил маленький зеленый шарик.

– Башня выбрала его! – слышалось со стороны старцев. Азим протянул к шару руку, тот подлетел ближе и лег на ладонь.

Старцы вновь выглядели спокойными. Один из них жестом пригласил Азима пройти к Башне Факела. Мальчик зажал волшебный шарик в руке и поспешил в сторону святыни.

Прислонившись к стене основания Башни, Азим услышал голос. Вернее, не услышал, а почувствовал, ведь вокруг было тихо. Голос звучал внутри, словно собственные мысли.

– Я помогу тебе, юный Азим! Твоя мама будет полностью здорова через один Оборот Светил. Чтобы ты и твой спутник сумели добраться домой, духи земли даруют тебе артефакт предков. Но помни, Азим, однажды и мне может понадобиться твоя помощь. Когда поймешь, что со мной что-то не так, приходи сам или отправь сюда своего сына!

Азим прислушался к внутреннему голосу. Но Башня перестала говорить с ним.

Пора возвращаться домой!

Инна Фохт. Тайна семи Башен

Подняв факел над головой, Бьёрг спускалась по узкой лестнице к самому основанию Башни. Ступени скрипели от каждого шага. Старая Башня иногда вздрагивала. И каждый раз девочка прикладывала руку к темным стенам и шептала: «Потерпи пожалуйста, уже скоро».

Спустившись вниз, Бьёрг остановилась и, склонив голову набок, вложила ладонь в такой же отпечаток на стене. Тяжелые камни раздвинулись. Яркий свет озарил ее бледное, словно выточенное из мрамора, лицо и тонкую фигуру в синем платье. Ветер раздувал длинные каштановые волосы. Немного привыкнув, Бьёрг осмотрелась. Она стояла на песчаном берегу. Впереди бурлила и гудела Аргентум, что несла с Серых гор свои быстрые воды к Ферум, смешивалась с ней и впадала в море Серпа и Арфы.

Ключья белой пены иногда подбегали к самым ногам Бьёрг и касались кончиков пальцев. Река была так широка, что старые деревья на другом берегу казались маленькими и тонкими.

– Аргентум, ты здесь? – крикнула девочка.

«Здесь, здесь, здесь», – подхватило эхо и утонуло в быстром течении. Вдруг все стихло. Вода поднялась и вытянулась в женскую фигуру. Круглое лицо распахнуло большие

зеленые глаза.

– Это снова ты? Что на этот раз?

Бьёрг достала из кармана камни, что принес Эрик, и протянула их Реке.

– Я нашла три камня. Ты помнишь наш уговор? Камень за камень!

– Я всегда все помню!

Женская фигура обернулась волной и смыла камни с тонкой ладони. Воды вновь забурлили и покатали куда-то вдаль. Бьёрг гневно топнула. Но в тот же момент ее ноги до самых колен скрыла вода. А когда схлынула, на песке лежали три голубых топаза. Тех самых, из ожерелья желтоглазой Солы. Девочка спрятала топазы и поспешила обратно в Башню.

Поднявшись на самый верх, Бьёрг подошла к огромному дубовому сундуку, скованному толстыми цепями. Заглянув в щель под крышкой, она сказала: «Мой господин, осталось совсем немного». Из темноты сверкнули белые глаза и послышался тихий рык: «Поспеш!»

Вдруг девочка почувствовала дрожь во всем теле.

– Ах, Эрик, как же ты не вовремя!

Эрик падал вниз. Он тщетно искал, за что бы зацепиться. Ожидая скорой кончины, зажмурился. Вдруг падение прекратилось, но удара не последовало. Наоборот, мальчик почувствовал землю под ногами. Эрик открыл глаза и ахнул. Перед ним стояла и улыбалась Бьёрг.

– Ты? Но как ты здесь очутилась?!

– Буду оберегать, помнишь?

– Эрик, ты жив! – воскликнул Луций и обнял друга. – Бьёрг, и ты здесь?

– И я, – ответила девочка. – Скорее, нам нужно к Башне. Эрик, ты нашел еще те камни?

– Да, но сегодня всего два.

И дети побежали по пустынным переулкам Патеры в сторону Башни.

С тех пор, как началась война, в городе осталось мало людей. Перед общим врагом объединились все. Мужчины ушли воевать. Их жены с детьми остались, тревожась за родных. Вместе со стариками они трудились, чтобы снабжать ушедших воинов и кормиться самим. Многие семьи тайком покинули земли Чаши и больше никто о них ничего не слышал. Серая Завеса, спасающая Семиградье от палящего света, что излучал Вен, потемнела. Едва различали люди, какой Оборот совершали Сола и Вен в далеком небе, отсчитывая дни. Улицы опустели. Люди боялись гулять в одиночку. Смело по городу передвигались только целлиты, аколиты и ораторы – служители культа Чаши.

Дети бежали к Башне, иногда останавливаясь, чтобы отдышаться. Луций часто спотыкался, так как был еще слаб по-

сле схватки с оратором Сервием. Единственным уцелевшим глазом мальчик плохо видел дорогу. Но каждый раз, когда он мог бы упасть, крепкая рука друга оказывалась рядом. Луций благодарил судьбу, что свела его с Эриком, с этим смелым гуддаром, что уже дважды спас ему жизнь. Окупит ли Луций когда-нибудь столь высокий долг? Но не только благодарность вела сейчас юного либера вверх по крутому склону. Любопытство и желание открыть для себя истину – вот что двигало им последние месяцы.

Они остановились у холодных, темных стен Башни.

– Дальше я пойду сама. Ждите. Ах да, вы хотели узнать, что значат те письмена, – девочка указала пальцем на древние символы у основания. – Там написано: «Измени это. Сломай то, что построено помимо моей воли. Дай звездам вновь озарить ночь».

Мальчики в недоумении посмотрели друг на друга.

– Что бы это могло означать? Бьёрг, может, ты знаешь?

Но девочка уже исчезла.

Бьёрг ступила на песчаный берег и не поверила своим глазам. Вместо широкой бурлящей Реки виднелось почти пересохшее глубокое русло с небольшим ручейком.

Она осторожно спустилась вниз и увидела большие зелёные глаза.

– Аргентум, что случилось? Где твои воды?

– Целлиты, – тихо прошептал Ручей. – Они иссушили ме-

ня.

– Но как?

– Это уже неважно. Возьми, – Ручей поднял тонкую синюю руку, и Бьёрг увидела ожерелье из топазов, в котором не хватало трёх камней.

– Но взамен у меня только два.

– Бери просто так. Торг сейчас неуместен. Освободи господина и верни мои воды.

Вдалеке слышались голоса.

– Беги, – прожурчал Ручей напоследок.

Бьёрг взяла ожерелье и поспешила скрыться за стенами Башни.

– Я здесь! У меня ожерелье Сола!

Бьёрг достала ожерелье, вставила три топаза в пустые «глазницы» и просунула его в щель сундука. Белые глаза вспыхнули во тьме и раздался громкий глас:

– Сола, мать моя! Призываю тебя, узри своего младшего сына! Освободи меня!

Сквозь щели старого сундука пробился яркий голубой свет. Сверху, через маленькое окно в крыше Башни, на него пролился ослепляющий жёлтый.

Бьёрг сидела в углу, склонив набок голову.

Толстые цепи лопнули, крышка сундука поднялась, и из него вылетел прозрачный силуэт, похожий на человека, с длинными белыми волосами и бородой.

– Мой господин! – Бьёрг поклонилась. – Ты свободен!

– Еще нет, Гела, мне нужно вернуть свое тело и свою силу.

Принеси Чашу.

– Но, господин, ты же знаешь, мне нельзя прикасаться к Ней.

– Твой юный друг, гуддар, сможет взять Чашу и доставить Ее сюда.

– Эрик? Как? Ведь взять Чашу может только твой наследник, истинный князь Патеры?

– Скоро ты все узнаешь. А теперь уходи и уводи друзей! Башню вновь будет трясти. Но помни, Чаша должна быть здесь до рассвета!

Эрик и Бьёрг проводили Луция домой. У потайной калитки их встретил старик-садовник. Немного сгорбившись, он стоял и поглаживал длинную седую бороду.

– Дагэ Веньян, – мальчики уважительно пожали тонкую сухую ладонь.

– Думается мне, что вы сильно проголодались. Идемте ко мне пить чай.

– Мы очень спешим, – возразила Бьёрг.

– Что значит четверть Оборота в сравнении с вечностью? Всеу свое время. К тому же, – старик подмигнул Эрику, – к чаю у меня чудесный ягодный пирог.

Дети приняли предложение Веньяна. Они с аппетитом уплетали пирог и рассказывали о своих планах. Садовник же

молча поглаживал бороду.

Старый кайанец знал истину, но не стал посвящать в нее детей. Еще не время. Знал, кто такая Бьёрг на самом деле и какая волшебная сила заложена в этой хрупкой девочке. Он знал, что выкрасть Чашу из целлы непросто, поэтому решил подстраховать Эрика и Бьёрг.

– Все ли у нас готово? – спросил оратор Корнелиус у трех целлитов. Пурпурная сутана облежала большой живот. Когда он говорил, толстые щеки мелко тряслись. После смерти оратора Сервия главный целлит занял его почетное место.

– Да, – закивали они в ответ, – воды Реки собраны в горах над долиной и ждут своего часа.

– Отлично! На рассвете мы затопим всех воинов, собравшихся там. Эти глупцы так и не узнают, что все было спланировано культом Чаши, что армию противника содержим мы. В Патере останутся лишь женщины и дети.

– И старики.

– Старики слабы, особенно перед неизвестной доселе болезнью. Мы будем править и диктовать свою волю долгие лета! За последний месяц Чаша собрала столько энергии от прихожан, что мы сможем сотворить много «чудес»...

Эрик и Бьёрг прятались за шторами у входа в целлу и слышали эти слова. У мальчика сжалось сердце от тревоги.

Бьёрг уже хотела поведать план действий, как кто-то схва-

тил ее за ухо.

– Ах ты мерзавка! – крикнула Анника и вытащила девочку из-за штор. – Герхард тебе не достался, за сына принялась?! Ты его не получишь!

Корнелиус и целлиты обернулись на крик. Они очень удивились, увидев женщину, стоявшую в странной позе и кричавшую в пустоту.

– Милая, – оратор подошёл к ней и взял под руку, – с кем вы говорите?

– Я? – Анника посмотрела по сторонам и поняла, что девочка исчезла, – Я не знаю. Мне просто показалось.

– Давно вы здесь? Слышали наш разговор?

– Нет, я только вошла, – женщина повернулась к дверям и попыталась уйти, но целлиты преградили ей путь.

– Вам придется остаться здесь.

– Надолго? Меня ждут дети.

Корнелиус пригладил полной рукой бородку.

– Боюсь, что навсегда.

Эрик стиснул зубы и сжал кулаки. Он хотел броситься на целлитов и спасти мать, но что он может сделать один? Куда же пропала Бьёрг? Словно прочитав мысли, та возникла рядом.

– Время пришло, – сказала она. – Пока все отвлеклись, бери Чашу и беги к Башне. Тебя там уже ждут.

– А мама?

– Я ее сберегу.

– Хорошо.

Эрик выскочил из-за шторы, подбежал к круглому столу в центре целлы, схватил Чашу и бросился прочь.

– Поймать мальчишку и вернуть мне Чашу! – вскричал Корнелиус. Его глаза налились кровью. – Это ведь твой крысёныш, Анника! Значит, пришла отвлечь нас?

Корнелиус вытянул руку в сторону женщины. От его ладони исходил невидимый жар. Анника почувствовала, что не может пошевелиться. В ее голове стал нарастать шум, глаза словно выдавливалось из орбит. Вдруг перед ней прозрачным щитом возникла Бьёрг. Шум затих, зрение вернулось. Анника медленно отступила к дверям. Корнелиус рассвирепел. Он вытянул вперед вторую руку и собрал всю свою мощь.

Но тут из раскрытых дверей целлы в оратора полетел искрящийся голубой луч и пронзил правое плечо насквозь. Следующий луч оказался для него смертельным.

Аника оглянулась. На пороге целлы стоял старый кайанец Веньян. Бьёрг приняла человеческое обличье и упала без сил. Посмотрев на нее, Анника испугалась. У ног лежала седовласая девочка с лицом старухи.

Веньян подхватил Бьёрг на руки.

– Скорее, нам нужно к Башне. Эрику грозит опасность!

Эрик почти добежал. Осталось только взобраться на холм, и он на месте. Целлиты догоняли. Спрятаться некуда, ведь Чаша светилась красным светом. Чем ближе к Башне,

тем ярче. Вот уже последний выступ. Все, он у цели. И что? Где же вход? Мальчик трогал рукой гладкие камни, но ничего не происходило. Трое целлитов окружили Эрика.

– Верни Чашу, и мы сохраним тебе жизнь.

Эрик замотал головой. Целлиты направили в его сторону свои ладони.

Мальчик поднял Чашу над головой и замер. Вдруг он почувствовал, как стена расступилась и, словно огромным магнитом, его потянуло вверх. Он летел так быстро, что не успевал сделать полный вдох. Зажмурив глаза и открыв рот, мальчик жадно хватал воздух. Башня была так высока, что даже птицы не поднимались выше середины, а Эрик пролетел за несколько мгновений. Под самой крышей он остановился и тихо опустился на пол. Огонь в Чаше разгорелся сильнее, освещая чердак.

Эрик вскрикнул, когда пред ним возник прозрачный силуэт с белыми глазами и сказал:

– Не бойся меня. Я младший сын Солы и истинный хозяин Чаши.

– Гудд! – прошептал Эрик и поклонился.

– Гела, наконец-то!

Эрик обернулся и увидел постаревшую Бьёрг.

– Кто ты? – испугался он.

– Меня зовут Гела. Я – Цверг, хранительница города и наследного князя Патеры.

– Знакомиться будете после, – нахмурился Гудд. – Сей-

час, Эрик, бери Чашу и вместе повторяйте за мной. Развейся сумрак! Пролейся свет! Верни силу хозяину и зажги звезду!

Эрик и Бьёрг эхом вторили Гудду. Чаша светилась все ярче, обжигая ладони мальчика. Стены Башни затряслись.

Из Чаши вырвалось красное сияние и взлетело в небо. Завеса исчезла, и там, в вышине, появилась большая яркая звезда...

– Эрик! – Анника бросилась обнимать и целовать сына.

Эрик удивленно смотрел по сторонам. Светало. Вместо черных каменных стен Башни зеленел сад. Громко пели птицы, приветствуя Солу и Вена. За садом шумела Аргентум, несла свои пенные воды к Ферум. Рядом с Эриком стояли мама и Веньян.

– Где же Гудд?

Старый кайанец улыбнулся и показал на небо.

– Он занял свое место среди звезд.

– Но без Башни, что создавала Завесу в небе, мы погибнем! – вскричал Эрик. – Свет Вена уничтожит все!

– Это не так, – Веньян погладил мальчика по голове. – Когда-то давно Башни были воздвигнуты обманным путем. Семерых сыновей желтоглазой Солы заперли в них, а Цвергов усыпили. Но когда мы сможем разрушить Башни и вернуть в небо божественные звезды, тогда поднимется высоко над землей семицветная Радуга и защитит все живое. А Сола и Вен смогут и впредь летать над миром, наслаждаясь своей

любовью и даруя людям новый день.

– А Бьёрг?

– Гела? Она где-то в саду.

– И что же? Мы победили? Отец вернётся домой?

– Нет, мой мальчик. Мы выиграли только первое сражение. Впереди еще шесть. Только тогда Семиградье станет свободным. А сейчас нам пора вернуться в свои дома и как следует выспаться...

Кирилл Лаврентьев.

Грехи молодости

Это было летом. Молодой путешественник шел по дороге в сторону маленького приморского городка Матчан на побережье моря Копья и Жезла в устье реки Дахэ. Типичный кайанец, на вид лет двадцати, отличавшийся лишь одеждой, явно приспособленной для преодоления больших расстояний в самых разных условиях. Дорожный плащ покрывала пыль, сандалии стерлись, шляпа из тростника выгорела, за спиной болтался полупустой мешок. Впереди маячили ворота города, куда он направлялся. Путник прошагал под сенью деревьев, миновал величественные ворота и прошествовал мимо столпившихся купцов, ожидающих досмотра товара. Вот потянулись узкие улочки, вдалеке показались вершины скал Цзинь-Чхай. На углах торговцы предлагали свои товары, в основном чай, рыбу с рисом и местными водорослями на развес. В этот момент из ближайшей двери неприметной чайной вышел богато одетый человек.

– Веньян, вам сюда.

– Спасибо, дагэ Сунь-Цзуй-Вчань-Вынь-Су...

– Что за формальности... Нет времени, вас ждут высокопоставленные особы.

Молодой чиновник Веньян Ши-Хуан вошел в зал. За чаем сидели те самые высокопоставленные особы. Все как на подбор степенные, с просмолеными косичками, в золоченых халатах, с бородками и телохранителями. Самый толстый из них и, судя по всему, самый главный встал с места и откашлялся. Пол угрожающе заскрипел.

– Господа! Я хотел бы поднять сегодня один важный вопрос: какова будет судьба Арима?

Один из чиновников оторвался от пиалы с чаем, встал и хотел задать вопрос, о чём тут же пожалел, так как чай попал ему не в то горло.

– Садись, Цинь-Сунь-Винь-как-тебя-там... – председатель собрания осадил подавившегося коллегу. – В общем и целом, кхе, Арим – один из последних Ляони, населявших мир задолго до людей. Великие во всем, они жили по законам высшей морали, однако этот тип просто баламут какой-то.

– А что прикажете делать? – чиновник, похожий на сморчок, посмотрел на главного, щурясь так, что его глаза было невозможно увидеть.

– Веньян, вы поймаете данного придурка, где бы он ни был. Вам дается три дня. Клянусь Светилами, я сдеру с этого Ляони шкуру.

– Так что же он сделал? – хором спросили все.

– Он преступник, к тому же использующий магические фокусы для краж и запудривания мозгов.

И тут пол сдался, предоставив всем выковыривать своего дагэ из подвала.

Пока чиновники, отбросив чай и этикет, отскабливали лидера от мощеного днища нижнего этажа, Веньян проскользнул в подсобные помещения, надеясь найти себе «на посошок» чего-то покрепче цаган-да-льи, которым были залиты остатки пола в зале. После недолгих поисков он отыскал бамбуковую флягу с сакэ – во всех мирах, где есть раскосые чиновники, присутствует данный напиток для камикадзе. Веньян вышел через заднюю дверь, у которой сидел богатый образованный матчанский житель, то есть бомж, вертевший в руках странного вида трубу с рукоятью. Веньян подумал, что такой бандурой можно оглушить кого-нибудь по голове. Произошел обмен: напиток для камикадзе перекочевал в горло сидящего, а труба – в руки Веньяна, который двинул свои тяги в сторону рынка.

Там царило психоделическое веселье: глотатель огня хасанил с пламенем, музыканты на подмостках играли на тамбуринах. Вдобавок были ещё странный инструмент, напоминающий жука-палочника с рычагом посередине, издающий целую пачку звуков, и суар, гибрид банджо и мандолины, работающий на кристалле, заряженном лучами Сяо.

Вдруг среди гуляк возникла фигура, по описанию из учебника древней истории похожая на Ляони. Она был на две головы и три косички выше всех, светлые волосы служили отличной мишенью. Веньян вскинул трубу на плечо, чтобы

метнуть её, как бревно или таран. Толпа в страхе попятилась, Веньян задел рукоять, о чём тут же пожалел. Из трубы вылетело искрящееся, дымящее и, по всей видимости, опасное содержимое. Веньян тоже полетел – в противоположное направление, прямо в загон с грязекрабами. Обычно их запекали в собственном панцире, однако краб сам мог бы скушать охотника, будь менее тупым. Веньян отодрал себя от покрытого грязью панциря, вскочил и ринулся в погоню. Тем временем содержимое трубы окончило полёт и рвануло, подняв на воздух часть рынка. Психоделическая мелодия оборвалась, всех словно корова слизнула. Веньян побежал. Мимо пронеслись дымящиеся сапоги поперхнувшегося пороховым шариком глотателя огня, который в данный момент на первой космической скорости преодолевал Завесу, окрашенную отблесками его горящих глаз в красноватый цвет. Впереди маячило что-то высокое и светловолосое...

Веньян протер запорошенные продуктами горения рынка глаза. Нет. Это был не Арим. На него смотрела высокая, худая как трость, седая преподавательница счетных наук, которая всей душой ненавидела своего ученика, главную проблему Академии, Веньяна Ши-Хуана, за многочисленные попытки заставить её, почтенную богатую даму, Циницию Яо, закончить земной путь в самых неожиданных местах и ситуациях. Веньян хотел было скрыться, но взгляд циничной академической леди пригвоздил его к земле. Рассказывали, что

она могла переселять свой разум в учеников, и их глазами шпионить за другими, а потом, в самый неподходящий момент, врваться с кочергой или чем-то вроде и вершить расправу. Примерно то же самое произошло и сейчас. Циниция начала читать нотации насчёт неподобающего поведения в ночное время и прочих нудных вещей, держа «любимчика» за горло клюкой.

Через три часа учёная дама сдулась и отпустила Веньяна, который за это время почти разучился дышать. Он живо вспомнил уроки Циниции, где она крошила учеников формулами и розгами. Гораздо приятнее проходили уроки алхимии. Учитель, имевший сговорчивую натуру, пребывал на веселе, чему способствовали поставки разного рода дурманящих средств от учеников. Когда он был в таком состоянии, из него представлялось возможным вытянуть что угодно: рецепт мощнейшей взрывчатки, сильнейшей кислоты и даже флогистона. Это сопровождалось наглядными опытами, которые, однако, не очень сказывались на архитектурной целостности Академии.

Веньян подошел к дверям какой-то запиваловки. Зайдя внутрь, он заметил в луже чего-то, напоминающего по запаху денатурат, бывшего учителя алхимии. Воззвав к Светилам, он подошёл к старику поближе. Тот отодрал голову от стола и спросил:

– Ви хто, шошги меня шветила?

– Веньян Ши-Хуан. Вставайте, а то растворитесь в вашем

напитке.

– Ась? – алхимик повернул правый глаз к Веньяну, в то время как левый разглядывал дыру в столе, проеденную жидкостью. – Фы, кашется, шабыли у меня пару вещишек, когда оканшивали Академию.

Старик достал из-за пазухи целый арсенал.

– Польшуйтесь, мой дорогой ушеник.

Выйдя из запиваловки, Веньян стал сильно тяжелее. Отчасти из-за выпитой укипаловки, чей градус находился около двухсот двадцати восьми, отчасти из-за экипировки. Он надеялся найти ту чайную, воткнуть бомжу, одарившего его такой опасной трубой. Наконец он хотел просто выпить чаю, которым был обильно залит уцелевший пол, ведь распробовать его тогда не особо-то и вышло.

Тут он понял, что заблудился. Голова гудела, мозги денатурировали от смрада доков и выпитого. Ноги подкашивались, на душе было серо и пусто. Он вспомнил детство, мимолетное предчувствие по дороге к разоренному бандитами дому, где лежали мертвыми его родители. Тогда в нем пробудилась сила управления стихиями и природной энергией. Он убил тех бандитов, испепелил их лучами Вена, раздвинув Завесу. Он видел вблизи Башню, одну из семи, в нем вновь давала о себе знать та сила, и он тренировался её контролировать. Сейчас он был в полной форме, готовый испепелить Арима и всех, кто встанет на его пути. Однако духовное опустошение никуда не делось и только сильнее грызло его из-

нутри.

Веньян шел по набережной. В воздухе витал морской аромат парадной набережной, резко контрастирующий с доками, из которых он незаметно для себя вышел. Лодки качались на воде, и на их парусах красным огнем горел восход. Веньян углубился в торговые кварталы. Внезапно его осенило. Чайная! Вдруг что-то изменилось? Он рванул через площадь и спустя минуту уже выбивал с ноги на удивление запертую дверь. Увиденное заставило его сначала побелеть, потом почернеть, а затем покраснеть. Его заказчик-приказчик мирно попивал чай в компании Арима. При виде Веньяна он расплылся в улыбке, отчего его лицо заколыхалось как желе.

– Тааак, кто же к нам колеса катит? Ты все понял, не так ли? – жирный кайанец усмехнулся. – Сейчас ты тихонечко сдохнешь, а я из наместника этого городишки стану главным советником при императоре. А насчёт этого совещания – простая инсценировка, спектакль.

– Да как ты смеешь?! – Веньян сбросил балахон, в то время как в него впилося с десятков стрел. Одна из них попала ему в лоб... В лоб маски из воска и кованого железа, которая упала к ногам молодого чиновника, без пяти минут трупа. От остальных стрел защитил истинный шедевр оригами – броня из сложенной в девять раз бумаги.

– Так-так. Не слабо, но у тебя поди не осталось козырей, а у меня все на руках.

– Заткнись! У меня под броней куча взрывчатки и дена-турата. Стоит мне активировать детонатор и тут все взлетит на воздух.

Глаза Веньяна налились кровью, он сконцентрировал энергию в области взрывного устройства...

...В кустах, на холме близ города лежал человек, весь в саже и копоти, с дымящейся одеждой, с остатками бумажной брони. На вид ему было все сорок, хотя еще прошлым вечером он выглядел гораздо моложе. Волосы тронуло седьмой, лицо осунулось, под глазами растеклись кровавые потёки. Не самая лучшая побочка от такого перемещения. Город пылал как факел. Человек приоткрыл глаза и боковым зрением успел заметить удаляющегося Ляони...

Марина Вальд. Лети со мной, Мия!

Сегодня у Мии был выходной. С утра она немного помогла матери с домашними делами, а после обеда собралась с соседской девочкой собирать ягоды дикого барнибаруса – колючего кустарника, который ранней весной цвел большими лиловыми цветками. Они были очень красивые на вид, но почти не источали аромата. Ближе ко второй половине весны куст давал восхитительные сладкие ягоды. Они таяли во рту, так что в пирог не нужно было добавлять сахар, который считался роскошью, и далеко не каждый гуддар мог его себе позволить. Мия взяла корзину и вышла на улицу. У крыльца ее поджидала дочка соседа – Лусинда.

– Как ты думаешь, там еще остались ягоды или уже все собрали? – задумчиво спросила Мия.

– Ну если спать до Третьего Оборота, того и гляди, эти несносные мальчишки все обдерут вместе с колючками! – весело ответила Лусинда. От ее улыбки, кажется, стало чуть светлее, как-будто сама Сола на секунду показалась из-за Завесы. Лусинда была известной на всю округу хохотушкой с огненно-рыжей копной волос.

Взявшись за руки, подружки отправились на окраину Патеры. Не многие местные ребята знали это секретное место, где можно собрать целый урожай сочных и сладких ягод. По

дороге какой-то мальчишка бросил им вслед камушек, чтобы привлечь к себе внимание. Камушек стукнулся о спину Лусинды и срикошетил в корзинку Мии. Лусинда прыснула.

– Кто это? Ты его знаешь? – недовольно спросила Мия.

– Так это Варди, сын Айварса. Они живут неподалеку.

– Вот придурок! – фыркнула Мия и ускорила шаг.

– Барышни, не хотите ли прокатиться завтра на отважном драккаре под черным флагом? – крикнул им Варди.

– На этой-то развалюхе из трех гнилых досок? Нет, спасибо! – ответила Лусинда и залилась раскатистым смехом. Мия тоже рассмеялась, и они бодрой походкой двинулись в секретное место.

Путь пролегал мимо городского рынка и маленькой целлы. Прямо за целлой следовало свернуть во внутренний дворик, обнесенный небольшим, дощатым заборчиком. «Наверно, из него этот недоумок и построил себе драккар», – усмехнулась про себя Мия. Одна из досок легко отодвигалась, и можно было проникнуть в заброшенный сад. Именно там, в самом конце, рядом с городской стеной и рос вожделенный кустарник. Преодолев заросли бурьяна, девочки оказались прямо перед барнибарусом.

– Ого, сколько ягод! Тут не только на пирог, но и на варенье хватит, – восхищенно отметила Мия.

Подружки решили разделиться, чтобы не мешать друг другу собирать лакомство. Мия отошла как можно дальше и начала аккуратно складывать ягодки в корзинку. Вдруг она

заметила, как в кустах промелькнуло что-то ярко-желтое. Мия вскрикнула от неожиданности. Из-под листвы показалась ящерка. Размером с котенка, с огромными изумрудными глазами и длинным голубым язычком, которым она мастерски срывала ягоды и отправляла себе в рот. В какой-то момент она замерла, внимательно посмотрела на девочку, а потом неожиданно прыгнула к ней в корзинку. Мия чуть не выронила ее из рук. Побыв в корзинке буквально секунду, ящерка юрко выскочила и скрылась. Мия постояла пару минут в оцепенении, но потом собралась с мыслями и продолжила собирать ягоды. За спиной вдруг раздался тихий шепот: «Храни ее! Не потеряй! Мы верим в тебя!» Мия не на шутку испугалась, но все же слегка повернула голову. На долю секунды ей показалось, что сзади стоит женский силуэт в желтом балахоне. Но когда она набралась решимости и обернулась, за спиной никого не было. «Что хранить? Кто такие мы?» – в голове роились тревожные мысли...

Подруге она ничего не рассказала, хотя та заметила некоторое смятение в ее облике.

– Что случилось? Почему ты бледная? Будто в муку свалилась, – спросила хохотушка Лусинда. Она в любой ситуации находила повод для шуток.

– Что-то мне нездоровится, пошли-ка быстрее домой! – ответила Мия.

На обратном пути не произошло ровным счетом ничего, что бы заслуживало внимания. Обе молчали, немного устав

нести свои корзинки. «Вот бы этого Варди сейчас сюда, пусть бы помог, а не камнями швырялся!» – думала про себя Мия.

– Поможешь перебрать ягоды? – спросила мама, когда девочка поставила корзинку с собранным урожаем на стол.

– Конечно, я сейчас! – ответила Мия.

Она надела передник и начала тщательно отделять хорошие ягоды от мятых или перезрелых. Работа спорилась, но из головы не выходила картина, которую она увидела в саду. «Может, мне все это показалось, и никакой ящерицы там и не было? Может, это была просто большая гусеница?» – думала Мия. Как вдруг, дойдя уже практически до дна корзины, она заметила, как что-то поблескивает между ягодных рядов. Она аккуратно раздвинула оставшиеся ягоды и увидела невиданной красоты камень. Он будто излучал теплый желтый свет и имел причудливую огранку. Мия взяла его в ладонь и поднесла ближе к лицу, чтобы разглядеть получше. Изящно отточенные грани загадочно поблескивали, и он совсем не походил на обычный камень с мостовой. Больше напоминал драгоценные, которыми так любили украшать себя знатные либерские дамы. Один раз она наблюдала, как элегантная дама в шляпе грациозно проплыла мимо нее. Это случилось, когда Мия заблудилась и забрела в богатый квартал Патеры. На той даме красовалось изысканное колье, блестящее всеми цветами радуги.

«Неужели хвостун Варди подбросил мне в корзинку эту драгоценность? Может, он и вправду пират, и зря я над ним

смеялась? С виду выглядит очень смелым и решительным. Хотя нет, что за бред! Не добыл же он его в морском сражении! Может, украл этот камушек у той дамы из либерского квартала? А потом подкинул мне, чтобы скрыть краденное? Или та загадочная ящерка мне его подбросила? Хотя как она могла? Что за бред!» – Мия закатила глаза, не в силах остановить поток мыслей. «Надо завтра же разыскать этого Варди и допросить с пристрастием!» Подумав так, Мия улыбнулась, поставила тарелку с отборными ягодами на стол, а камушек спрятала в карман передника.

Отведав вкусного маминого пирога с барнибарусом и выпив большую кружку ромашкового чая, Мия отправилась в свою комнату. Стемнело, пора было готовиться ко сну. Брат Эрик уже ворочался в своей кровати.

– Спокойной ночи, Эрик!

– Спокойной ночи, Мия! – ответил брат. – Мальчишки говорили, что ты сегодня посмеялась над Варди? Он какой-то злой был весь вечер.

– Не я, а Лусинда! А нечего камнями кидаться, тоже мне, пират нашелся на гнилой лодочке! Ладно, спи уже давай!

Сказав так, Мия провалилась в сон, она очень вымоталась за день.

Но только она сомкнула глаза, как услышала голос. Он звучал у самого уха, почти точь-в-точь, как сегодня в саду.

– Иди за мной! Пора, уже пора!

Через миг Мия почувствовала, как чья-то невидимая рука схватила ее за запястье, потом плавно извлекла из кровати. Мия ощутила себя зависшей в воздухе между полом и потолком спальни. Она внимательно осмотрела комнату. Вроде бы все вещи находились на привычных местах, Эрик уже тихо посапывал, но что-то в окружающей обстановке было не так, как обычно. Она увидела, что из окна тянется дорожка манящего к себе белого света. Повисев в воздухе несколько секунд, Мия опять ощутила, как кто-то еще сильнее сжал ее руку и произнес:

– А теперь полетели, нас ждут!

Мия почувствовала, что тело не весит ровным счетом ничего, оно стало как перышко. Резким движением невидимая рука потянула ее к окну. Вылетев за пределы дома, Мия поднялась высоко-высоко и увидела, как под ней проплывали дома, купола целл, рынок, площадь. Даже секретный сад она успела заметить краем глаза. Впереди виднелась Башня. Мия обогнула ее, но что-то внутри сжалось. «Наверное, я лечу над самой Патерой!» – на мгновение промелькнула мысль.

– Не обращай внимание, сейчас будем на месте! – прошептал загадочный проводник или проводница. Минуя Башню, Мия почувствовала, что летит куда-то еще выше, над Завесой. Потом перед глазами все перемешалось, и Мия увидела, что ее затягивает в загадочный лабиринт. Незримый проводник продолжал крепко держать Мию за руку. «Ниче-

го не бойся, я рядом!» – голос звучал так, будто Мия просто слышала собственные мысли. Лабиринт то разветвлялся на несколько ходов, то опять становился единым целым. Мия парила, чувствуя поддержку невидимой руки. Ей начинало нравиться это ощущение легкости и абсолютной бестелесности. Внезапно она увидела, что лабиринт закончился. Мия оказалась зависшей в воздухе над странной поляной.

В полумраке виднелись шесть фигур, сплоченных в круг. Они были одеты в желтые, струящиеся мантии. Неожиданно в центре круга возникло яркое-желтое свечение. Постепенно оно стало приобретать очертания и превратилось в седьмую фигуру, державшую высоко над головой золотую чашу. На мгновение Мие показалось, что чаша выглядела как хвост той самой ящерики, которую она видела накануне. Седьмая фигура медленно опустила руки вниз, и Мия заметила, что внутри чаши горит яркий огонь. Фигуры запели странные песнопения на незнакомом языке, Мия ощутила, как ее тело начало пульсировать в такт мелодии. «Еще не время, но скоро ты все узнаешь!» – отозвался в голове загадочный голос. Мия закрыла глаза и почувствовала, что начинает возвращаться в обычный мир.

Через миг она распахнула глаза и поняла, что лежит посреди комнаты на полу, а Эрик смотрит на нее, привстав с постели.

– Меньше надо пирогов лопать! Вот уже и кровать не выдержала! – со смехом сказал брат.

Мия с трудом поднялась на ноги, преодолевая слабость после странного путешествия. Она выглянула в окно и увидела, что уже светало.

– Что с тобой? – спросил Эрик, видя, что сестра не отвечает.

– Ничего, просто сон странный, – ответила Мия.

В голове все еще крутились образы той странной поляны и загадочной чаши. И она поняла – что-то изменилось в ее жизни, что-то важное и пока непонятное.